

НЕВИЛ
ШЮТ

НЕВИЛ

ШЮТ

ГОРОД,
ПОХОЖИЙ НА АЛИС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ш99

Серия «Neoclassic проза»

Nevil Shute
A TOWN LIKE ALICE

Перевод с английского *П. Сильяновой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения United Agents Ltd
и The Van Lear Agency LLC.

Шют, Невил.

Ш99 Город, похожий на Алис : [роман] / Невил Шют ;
[перевод с английского П. Сильяновой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Neoclassic проза).

ISBN 978-5-17-180321-6

«Город, похожий на Алис» — роман, в котором переплетаются любовь и война, приключения и путешествия, а также история успеха. Основанный на реальных событиях, он считается одним из лучших произведений Невила Шюта. Книга несколько раз экранизировалась и вошла в список 100 лучших романов XX века по версии издательства Modern Library.

Главная героиня — Джин Паджет, англичанка с непростой судьбой. Она выросла в Малайе, попала в лагерь к японцам во время Второй мировой войны и там познакомилась с военнопленным австралийцем Джо Харманом. От него она узнала о городе под названием Алис-Спрингс — островке цивилизации в самом центре Австралии.

Прошло много лет, и судьба привела Джин в маленькое австралийское поселение, местные жители которого так ей полюбились, что она решила постараться превратить это место в город, похожий на Алис.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Estate
of the late N S Norway, 1950
© Перевод. П. Сильянова, 2025
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-180321-6

За красоту свою ты слышала немало
Любовных клятв — кто искренне, кто лгал, —
Но лишь один души твоей бродячей
Тоску с любовью принимал.

У.Б. Йейтс

1

Джеймс Макфадден умер сорока семи лет, в марте 1905 года, на пути в Дрифилд. Большую часть денег он оставил своему сыну Дугласу. Макфаддены и Далузи жили тогда в Перте; Дуглас и Джок Далузи дружили. Потом они выросли, Джок уехал в Лондон и стал младшим партнером в юридической конторе «Оуэн, Далузи и Питерс» на Чансери-лейн. В этой фирме я сейчас — старший партнер; Оуэн, Далузи и Питерс давно померли, но названия я менять не стал. Понятно, что все свои дела Дуглас Макфадден доверял Джоку Далузи, который и вел их лично до самой своей смерти в 1928 году. Потом уже я внес Макфаддена в список своих клиентов, да за прочими делами и забыл о нем.

Только в 1935 году я получил из Эйра его письмо. Он сообщил, что его зять, Артур Паджет, погиб в автомобильной аварии в Малайе; поэтому ему хотелось бы переписать завещание в пользу сестры Джин и двух ее детей. Должен признаться, я совсем ничего не помнил ни о нем самом, ни о его имуществе. Не знал даже, женат ли он. В письме Макфадден ссылаясь на свое нездоровье и просил направить к нему младшего партнера фирмы, чтобы тот занялся его делами.

Это совпало с моими планами — я как раз собирался порыбачить пару недель на Лох-Шиле. Я написал, что встречу с ним после отпуска, и положил папку с его делом на дно чемодана, чтобы как-нибудь вечером поизучать ее.

Мы не договорились насчет точного места встречи, и, приехав в Эйр, я снял номер в привокзальном отеле. Сменил брюки гольф на темный деловой костюм и пошагал к своему клиенту.

Увидел я совсем не то, что ожидал. Обладателю двух тысяч фунтов, казалось мне, подобает жить в собственном доме с одним-двумя слугами. Макфадден же вместо этого занимал двухкомнатную квартиру на первом этаже маленького частного пансиона прямо позади набережной. Ему едва ли перевалило за пятьдесят — я на десять лет старше, — но выглядел он неважно, да и со своим унылым взглядом больше походил на старую даму. Окна в гостиной были наглухо закупорены, и после свежего воздуха озер и вересковых лугов я просто задыхался; к тому же противно пахло из клеток с волнистыми попугайчиками. Мебель — и та знавала лучшие времена.

Мы заговорили о делах, он немного рассказал о себе и был очень рад, что я смог приехать. Несмотря на шотландский выговор, он казался образованным человеком.

— Я живу очень тихо, мистер Стрэхен, — сказал он, — с моим здоровьем за границу не поедешь. В хорошую погоду сажу на набережной, а потом Мэгги — это дочка миссис Дойл, хозяйки пансиона, — катит меня обратно. Они обе очень добры ко мне.

Когда речь снова зашла о завещании, он сказал, что из близких родственников у него только сестра, Джин Паджет.

— У отца в Австралии, может, и остались какие-нибудь последствия приключений, но я лично ничего об этом не

знаю. Джин поведала мне как-то, что маму все это очень огорчало — женщины любят поговорить о всяком таком; ну, в общем, отец мой был большой жизнелюб.

Во время Первой мировой его сестра Джин служила в Женском корпусе; а весной 1917 года вышла замуж за капитана Паджета.

— Необычный это брак, — сказал Макфадден задумчиво. — До службы в армии сестра ни разу не покидала Шотландии; в основном жила в Перте. Артур Паджет был родом из Саутгемптона, из Гемпшира. Я ничего не имел против него, но мы, конечно, думали, что Джин выйдет за шотландца. Тем не менее они жили счастливо, ну, по большей части.

После войны Артур Паджет нашел место на каучуковой плантации в Малайе, где-то около Тайпинга, и Джин, конечно, уехала с ним. С тех пор Дуглас Макфадден редко видел сестру; она навещала родину пару раз, в 1926-м и в 1932-м. У нее родились дети, в 1918-м — Дональд, а в 1921-м — Джин; матери хотелось, чтобы сын и дочь учились в Саутгемптоне, поэтому в 1932-м она отвезла их в Англию к бабушке и деду, а сама вернулась в Малайю. Макфадден встречался с племянниками лишь однажды — когда они впервые приехали в Шотландию.

Артур Паджет погиб в автомобильной аварии около Ипоха; ночью он возвращался домой из Куала-Лумпура, на высокой скорости потерял управление и врезался в дерево. А может, просто заснул за рулем. Вдова его Джин находилась в Англии, уехала туда примерно за год до его смерти. Она купила небольшой дом в Бассетте, почти рядом с Саутгемптоном; ей хотелось жить рядом со школами сына и дочки. Все это казалось разумным, но я не понял, почему ее дети должны были жить отдельно. Мой клиент, скорее всего, тоже этому удивлялся, потому что не раз упомянул об этом.

Словом, он хотел переписать свое завещание. Прежнее гласило, что единственной наследницей становится его сестра Джин.

— Вы должны меня понять, — продолжал Макфадден. — Я бы не стал менять завещания, но ведь, когда я его составлял, Артур Паджет был жив, и я рассчитывал, что после моей смерти он поможет Джин вести дела. Я ведь не так уж много еще проживу.

Ясно было, что он считал женщин наивными безответственными существами, не способными распорядиться капиталом и сдающимся на милость первого же авантюриста; вот и получилось, что, отписав все деньги сестре, он хотел, чтобы ее сын Дональд, теперешний школьник, получил бы после смерти матери все состояние целым и невредимым. Что ж, никакой трудности это не представляло. Я рассказал обо всех за и против этого решения и посоветовал ему, если он хочет жить в этом пансионе до конца своих дней, оставить небольшое наследство миссис Доил. Он согласился; а потом попросил меня стать его душеприказчиком и единственным опекуном его имущества. Такие дела семейный юрист часто берет на себя; но я уже был не молод и предложил поэтому в качестве второго опекуна Лестера Робинсона, младшего партнера нашей фирмы. Макфадден согласился. Не возразил он и против внесения пункта о профессиональном обслуживании опеки. Оставалось только оформить это не очень сложное завещание. Я спросил: как быть, если ни он, ни его сестра не доживут до совершеннолетия Дональда, и предложил в этом случае считать опеку законченной, а имущество — полностью унаследованным по достижении юношей двадцати одного года. Макфадден не возразил, и я сделал еще одну пометку в своем блокноте.

— Теперь предположим, — сказал я, — что Дональд умрет раньше матери или они оба умрут раньше вас. Тогда

наследство переходит к девочке, Джин, и мы продлеваем опеку до ее совершеннолетия?

— То есть до двадцати одного года?

— Да, — кивнул я, — точно так же, как мы решили с ее братом.

— Нет-нет, мистер Стрэхен. — Макфадден замотал головой. — Это совсем неблагоприятно, если можно так сказать. Ни одна девушка в двадцать один год не может управлять деньгами. У нее в голове только женихи, одни женихи. Я бы хотел в этом случае значительно продлить опеку. По меньшей мере, до ее сорока лет.

По своему опыту я знал, что двадцать один год — действительно слишком мало для девушки, чтобы дать ей полную власть над всем состоянием, но сорок лет — это уже чересчур. Я предложил продлить опеку до двадцати пяти лет; Макфадден неохотно подвинулся до тридцати пяти. С этой точки сдвинуть его я уже не смог; он устал и начал раздражаться, и я не стал с ним спорить. Словом, если бы каким-то невероятным образом девушка стала наследницей имущества сию минуту, опека над ней длилась бы еще двадцать один год, так как сейчас Джин минуло только четырнадцать. На этом работа наша была завершена, и я уехал в Лондон, чтобы составить черновик завещания и выслать его Макфаддену на подпись.

Больше мне не довелось с ним встретиться, и это моя вина. По многолетней традиции я каждую весну уходил в отпуск, чтобы на четыре дня съездить с женой в Шотландию порыбачить на Лох-Шиле. Вот как раз, думал я, на обратном-то пути я ему и позвоню, да узнаю, не нужны ли мои услуги. Но иногда жизнь идет совсем не так, как мы того ожидаем. Той же зимой Люси умерла. Не хочется долго говорить об этом, но мы прожили вместе двадцать семь лет — ох и тяжело мне было потерять ее. Ребята наши оба находились за границей: Гарри — на подводной лодке око-

ло базы в Китае, а Мартин — в своей нефтяной компании в Басре. Горестно одному ездить на Лох-Шил; и больше уж я никогда в Шотландию не навещивался. Я продал всю мебель, да и сам дом в Уимблдон-Коммоне. Каждому на моем месте пришлось бы нелегко: жил счастливо столько лет, и вдруг все рухнуло.

Я снял квартиру на Бекингем-гейт, напротив дворцовых конюшен; стоит пересечь парк — и окажешься в нашем клубе на Пэлл-Мэлл. Перевез туда всё, что сохранилось из дома в Уимблдоне, да нанял женщину, чтобы готовила мне завтрак, а по понедельникам — делала уборку. И поселился там, надеясь наладить жизнь по образцу своих товарищей из клуба. Ходил через парк вверх по Стрэнду до нашей конторы на Чансери-лейн. Весь день трудился, с перерывом на ланч прямо на рабочем месте. В шесть часов в клубе меня ждали газеты, разговоры, обед, а после обеда — партия в бридж. Таков был обычный распорядок дня с весны 1936 года, и я привык к нему.

Словом, забыл я про Дугласа Макфаддена. Кроме собственных мыслей я занимался только самыми важными клиентами конторы. Но скоро меня стали интересовать и другие вещи. Началась война, и я — да и все мои товарищи по клубу, кто был слишком стар для призыва, — стали дежурить во время воздушных налетов. Короче говоря, гражданская оборона, как ее теперь называли, заняла мое свободное время на следующие несколько лет. С первой бомбежки Лондона до самого конца войны я дежурил в районе Вестминстера. Почти все мои работники ушли на фронт, и мне пришлось вести дела практически в одиночку. За все это время я ни разу не брал отпуска и едва ли когда спал дольше пяти часов. Конец войны я встретил с седой головой и трясущимися руками; и хотя потом жить стало легче, я все равно уже прочно занял свое место в ряду стариков.

Однажды утром в январе 1948 года я получил телеграмму из Эйра. «Прошлой ночью скончался мистер Дуглас Макфадден, — говорилось в ней. — Скорбим; ждем распоряжений о похоронах. Дойл, отель Балморал, Эйр». Я стал вспоминать, кто же такой мистер Дуглас Макфадден, но, пока не нашел папку тринадцатилетней давности с его бумагами, так и не смог этого сделать. Мне показалось странным, что в Эйре некому распорядиться похоронами. Я заказал междугородний звонок и вскоре уже говорил с миссис Дойл. Было плохо слышно, но я понял, что она не знает никого из родни покойного; судя по всему, Макфаддена давно никто не навещал. Словом, мне требовалось или послать кого-то в Эйр, или ехать самому. Важных дел в ближайшие два дня у меня не намечалось, да и поездка эта казалась мне несложной. Я переговорил со своим компаньоном Лестером Робинсоном (он вернулся с войны в чине бригадира), прибрал на своем столе и купил билет на вечерний поезд до Глазго. А утром уже ехал в Эйр.

Хозяин отеля «Балморал» и его жена надели траур, совершенно искренне печальась; они привыкли к своему жильцу, да он и не протянул бы так долго без их заботы. Я узнал у доктора, от чего умер Макфадден. Доктор был с ним до конца — они жили по соседству в гостинице — и уже подписал свидетельство о смерти. Я взглянул на покойного, чтобы подтвердить его личность, и на этом формальности закончились. Все шло совершенно как полагается, не считая того, что не приехал никто из родственников умершего.

— У него, по-моему, никого не осталось, — сказал мистер Дойл. — Сестра раньше писала ему и даже как-то приезжала, году в тридцать восьмом. Она жила в Саутгемптоне. Но за последние два года он не получил по почте ничего, кроме пары счетов.

— Да она точно померла, — добавила жена. — Не помнишь разве, он сам нам говорил, уже где-то под конец войны.

— Я уж и не помню, — ответил он. — Столько всего произошло. Может, и померла.

С родственниками или без них, но похороны должны были состояться, и наутро я обо всем распорядился. После этого уселся просмотреть бумаги на его столе. Одна-две цифры в grosсбухе и на обороте корешков чековой книжки — и картина сложилась; первое, что мне требовалось сделать на следующее утро, — это поговорить с управляющим банком. Еще я нашел письмо его сестры, датированное 1941 годом, о том, что она сдает свой дом в аренду. По-прежнему непонятно было, жива ли она, а если умерла, то при каких обстоятельствах, но зато стало ясно кое-что важное насчет ее детей. Оказывается, в то время они находились в Малайе. 23-летний Дональд работал на каучуковой плантации около Куала-Селангора. Его сестра Джин приехала к нему зимой 1939-го и служила в одной из контор Куала-Лумпура.

В пять часов вечера из тесного гостиничного номера я позвонил в лондонский офис и поговорил со своим компаньоном.

— Слушайте, Лестер, — начал я, — помните, я говорил вам, что тут какие-то проблемы с родней? Так вот, ничего не прояснилось. Похороны пройдут послезавтра, в два часа дня, на кладбище Святого Еноха, но это пока предварительно. По идее, его родные должны жить в Саутгемптоне. Сестра покойного, миссис Артур Паджет, в тысяча девятьсот сорок первом году жила в Бассете, это там рядом, Сент-Ронанс-роуд, дом номер семнадцать. Где-то поблизости жили и родители Артура Паджета. У миссис Артур Паджет, ее зовут Джин — да-да, это и есть его сестра, — было двое детей: Дональд и Джин. Они оба в 1941 году жили в Малайе; бог знает, что там с ними дальше произошло. Мне самому сейчас не до поисков, но, возможно, вы попросите Харриса попытаться найти кого-нибудь из них в Саутгемптоне, чтобы сообщить о похоронах? Лучше всего взять телефонную

книгу и обзванивать всех Паджетов по очереди. Их, наверное, не очень много.

Лестер позвонил мне наутро, вскоре после того, как я вернулся из банка.

— Похоже, Ноэл, что я никого не нашел, — сказал он. — Ясно одно: в тысяча девятьсот сорок втором году миссис Паджет умерла, так что на нее рассчитывать не приходится. Воспаление легких, это Харрису в больнице сказали. Что же до остальных Паджетов, их там семь человек в телефонной книге, и мы им дозвонились, но они все просто однофамильцы. Мисс Юстас Паджет вспомнила из их семьи некоего Эдварда Паджета, так тот после первой бомбежки Саутгемптона переехал в Северный Уэльс.

— Известно, куда именно? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — ни одной зацепки. Сдается мне, единственное, что вы можете сделать для них, — это похоронить покойного.

— Вот и мне так кажется, — сказал я. — Все равно скажите Харрису, чтобы продолжал поиски — нам еще нужно найти наследников. Я только что из банка, наследство вполне приличное. Оно под нашей опекой, вы же помните.

Остаток дня я паковал личные вещи покойного, а также его бумаги и письма, чтобы взять с собой в офис. На мебель тогда был огромный спрос, и я попросил сдвинуть ее в две комнаты, на случай, если наследники захотят ее забрать. Одежду отдал миссис Дойл — пусть раздаст нуждающимся. Попугайчиков осталось только два — Дойлы захотели оставить их себе.

На следующее утро я еще раз переговорил с управляющим банком и заказал по телефону билет в спальном вагоне на ночной поезд до Лондона. А в полдень мы похоронили Дугласа Макфаддена. Промозглым, серым и унылым казалось кладбище в тот январский день. Только и было народу, что Дойлы — отец, мать и дочь — да я; помню, я еще поду-

мал: странно, как мы все мало знаем о человеке, которого хороним. Очень достойное впечатление произвели на меня Дойлы. Их ошеломило известие о том, что Макфадден оставил им небольшое наследство. В первую минуту они даже растерялись; достаточно того, что покойный платил за свои комнаты в течение многих лет, сказали они, и если что-то и делалось для него — так просто потому, что он хороший человек. Что ж, было кому по-дружески проводить его в последний путь в этот печальный январский день.

Похороны закончились, и Дойлы пригласили меня на чай. Мы посидели в их гостиной, и, взяв с собой два чемодана бумаг и личных вещей покойного, я поехал в Глазго, а оттуда ночным поездом до Лондона. Если не удастся найти наследников, думал я, просмотрю эти бумаги и присовокуплю всё имущество к наследству.

Но наследников мы нашли без особого труда. Недели хватило молодому Харрису, чтобы мы получили письмо от мисс Агаты Паджет, директрисы женской школы в Колуин-Бей. Она оказалась сестрой того самого Артура Паджета, который погиб в автомобильной аварии на Малайе. «Жена Артура, Джин, — писала она, — скончалась в Саутгемптоне в 1942 году. Дональд, их сын, умер в плену в Малайе. А их дочка Джин жива. Не знаю точно ее адреса — она живет на съемной квартире где-то под Лондоном и раз или два переезжала. Я обычно пишу ей на адрес фирмы, в которой она работает, — Лондон, Перивейл, Хайд, Пак энд Леви лтд.». Я получил это письмо с утренней почтой. Прочел его, потом занялся другими конвертами и опять вернулся к письму мисс Паджет. Попросил секретаршу принести дело Макфаддена и еще раз прочел завещание и свои пометки на нем и других бумагах. Подвинул к себе телефонный справочник, чтобы выяснить, чем занимается фирма «Пак энд Леви лтд.». После этого встал из-за стола и какое-то время смотрел на унылые, холодные лондонские улицы. Я люблю вот так

немножко постоять, подумать, если мне вскоре предстоит принять какое-то решение. Потом я повернулся и направился в кабинет Робинсона; он диктовал что-то секретарше, и, пока девушка дописывала, я погрелся возле камина.

— Наследник Макфаддена нашелся, — сказал я. — Надо сообщить Харрису.

— Здорово, — ответил Лестер. — Нашли сына?

— Нет, — ответил я. — Дочь. Сын умер.

— Новость так себе, — усмехнулся он. — Это ведь означает, что мы теперь до тридцати пяти лет ее опекаем?

Я кивнул.

— А сейчас ей сколько?

Я поразмыслил минутку.

— Лет двадцать шесть — двадцать семь.

—хлопотно нам с ней будет, уж слишком взрослая.

— Да уж, ничего не попишешь.

— А где она? Чем занимается?

— Работает не то клерком, не то машинисткой на кожгалантерейной фабрике в Перивейле. Думаю сочинить ей письмо.

— Бог в помощь, — улыбнулся он.

— И не говорите, — ответил я.

Я вернулся в свой кабинет и посидел немного, обдумывая текст письма. Сухой деловой тон, решил я, подойдет больше всего. Наконец я написал так:

«Мадам,

с прискорбием извещаем Вас, что мистер Дуглас Макфадден скончался в Эйре 21 января сего года. Будучи его душеприказчиками, мы разыскиваем его наследников. Итак, если Вы являетесь дочерью Джин (урожденной Макфадден) и Артура Паджетов, проживавших в Саутгемптоне и Малайе, это означает, что Вы наследуете состояние покойного. Пожалуйста, позвоните нам, чтобы мы могли назначить встречу и обсудить подробности на-